

Ваня умирает с полным сознанием своего бессилия и с горькой иронией по отношению к своему "литераторству" (а ведь его хвалил критик Б.! — тоже, кстати сказать, умерший в чахотке). Так умирали мечты самого Достоевского, его гамлетовское сознание, что он "рожден" "исправить" "несчастный жребий" мира.

Несмотря на петербургский колорит "Униженные и оскорбленные" по своим идеям и характерам связаны с сибирскими размышлениями Достоевского. Еще в большей степени сказались они в "Записках из Мертвого дома". Лихорадочно написав за два года около ста печатных листов, Достоевский как бы завершил анализ всего пережитого им от "Бедных людей" до каторги. Только тогда новая, современная Россия начала 1860-х годов по-настоящему овладела писателем. Мысль его освободилась для анализа этих "новых" фактов и впечатлений.

Достоевский не сразу мог определить свое отношение к происходящим событиям. "Слишком у нас перепутались в обществе понятия. Недоумение наступило какое-то",⁶ — пишет он в письме к Н.Н. Страхову вскоре после отъезда из России в июне 1862 года. Через несколько дней он встретился с Герценом, который в это время тоже переживал свои тревоги и сомнения, свои "концы" и "начала". Европу Достоевский воспринял с какой-то досадой, а по возвращении в Россию начинает проявляться неприязнь Достоевского и к "ретроградкам" и к "прогрессистам", и тем и другим противопоставляет он народ.

Даже тургеневского Базарова, в противовес чуть ли не всей петербургской журналистике, Достоевский воспринимает как своего рода Гамлета, "беспокойного и тоскующего", считая это "признаком" "великого сердца". И вместе с тем, Достоевский понимал бессилие этой русской "тоски" и беспокойства.

Может быть, под влиянием встреч с Герценом и Тургеневым возник у Достоевского замысел "рассказа" о типе "заграничного русского". Часть этого замысла, осложненная личными переживаниями, ушла в "Игрока", а русский "многоразвитый", но во

---

6. Ф.М. Достоевский. Письма, т. 1, стр. 309.